

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

СЧАСТЬЕ, ЧТО МЫ ЖИВЫ

Продутая ветрами, просоленная палласовская земля стала колыбелью многих личностей, которые впоследствии оказались выдающимися, известными всей стране. Мой рассказ об удивительной судьбе одного из них.

В декабре 1917 года в селении Ней-Галки АССР Немцев Поволжья в многодетной крестьянской семье родился будущий член союза художников России, Заслуженный художник РСФСР, художник-график Рейнгольд Генрихович Берг. Изучая историю родного края, мне удалось отыскать и установить переписку с сыном Рейнгольда Берга Юрием, проживающим в Мурманске. Он любезно предоставил материалы воспоминаний отца о первых днях войны.

В жизни Рейнгольда было много тяжёлых испытаний, лишений и невзгод, и всё же он считал себя счастливым человеком, ведь ему было дано в любой обстановке, в любых, даже неимоверно тяжёлых условиях, видеть красоту окружающей жизни: природы, человеческих лиц и фигур, различных предметов и их сочетаний, красоту городов и сёл, возможность изобразить эту красоту карандашом, углем, кистью.

В 1932 году пятнадцатилетний юноша Берг приехал в Энгельс, в студию для одарённых подростков при Наркомпросе Автономной Республики Немцев Поволжья. Потом была учёба в Зельманском (Зельман — такое название в то время носил посёлок Ровное Саратовской области) педагогическом училище, Саратовском художественном; преподавание уроков рисования и черчения в городской школе № 10 вплоть до 1939 года. Во время сдачи экзаменов в Ленинградскую академию художеств его пригласили в военкомат и объявили, что все отсрочки поступающим в вуз аннулированы в связи с финскими событиями, и отправили домой.

В июле 1940 года Рейнгольд получил повестку о призыве в Красную Армию. Одновременно была объявлена массовая мобилизация по всей Республике Немповолжья. В Саратове всех новобранцев расформировали, перемешали и повезли в разные стороны. Рейнгольд попал в Грозный, в полковую пехотную школу, а вскоре получил назначение в штаб полка и ему присвоили звание замполита.

В первых числах марта 1941 года их спешно отправили на прусско-литовскую границу. Молодому художнику было поручено вести всю наглядную агитацию в батальоне. Он занят днём и ночью: рисует портреты лучших бойцов и командиров, пишет лозунги и транспаранты, призывы Коммунистической партии и портреты вождей.

21 июня 1941 года Рейнгольд получил посылку от жены Анны. Её принёс в палатку связной комбата Иван Фомин, с которым они вместе жили, а всего в ней обитало четверо, во главе с лейтенантом Шуваловым. Под громкое «Ура!» глазами собравшихся предстали ряды румяных булочек. Давно солдаты не ели белого хлеба и дружно принялись за уничтожение пышной добычи. Весёлые, в прекрасном настроении они поздно уснули.

Сквозь дрему Рейнгольд услышал отдалённый удар грома. Встал. Вышел из палатки. Тишина. Вдруг опять удар грома. Небо со стороны Каунаса стало менять свой иссиня чёрный цвет на красный. По спине шли мурашки. И тут сильный удар и новая вспышка заставили Рейнгольда вбежать в палатку и разбудить лейтенанта. Лейтенант

посмотрел на часы: было четыре часа утра. Посетовал: «Ну, что это за дурацкие учения!».

...Вместе с Иваном Фоминым они вдвоём бросились бежать к домику командиров. Возле штаба уже стояла машина, и Шувалов командовал погрузкой штабных документов: поступил приказ всем добираться до Каунаса. Как только с той стороны границы увидели, что в расположении красных началось движение, стали бить прямой наводкой. Как было приказано, бежали по оврагам. Берг с Фоминым держались рядом и вскоре вышли на асфальтированную дорогу, ведущую в Калварию — ближайший литовский город, где находился штаб бригады. Приближающийся шум мотора заставил их остановиться: по дороге шарил на предельной скорости гусеничный трактор. Бойцы направили в его сторону ружья, и трактор остановился. В кабине сидели взбешённый тракторист и красноармеец. Оба были в одном исподнем. Иван и Рейнгольд прыгнули в открытый кузов и все отправились дальше. Дорогой артиллерийские снаряды бойцов. Трактор нёсся как разъярённый конь, но чем ближе к городу, тем чаще стали встречаться мчащиеся навстречу машины, бегущие люди, которые кричали: «Назад! Город уже занят, надо ехать через Марианнополь!». Сквозь разрывы бомб и свист пуль, стоны раненых и крики умирающих, преодолевая ужас, миновали они опустевшие Марианнополь и Каунас. Трактор, весь изрешечённый пулями и осколками снарядов, нёсся сквозь этот ад дальше.

Наступила глубокая ночь. Они молча сидели, ожидая переправы на Вильнюс. Рейнгольд сидел на скамейке за кабиной трактора и, всматриваясь в развернувшуюся перед ним панораму, мысленно переносил на холст несуществующей картины силуэты домов. На фоне розовой полосы неба они казались самыми тёмными, почти чёрными, переходящими в зелёный цвет. Там, где они сливались с людской толпой — намного светлее, с серо-дымчатым оттенком. Массу людей можно было бы написать несколькими мазками той же серо-зелёной краски с добавлением сиены натуральной, а может быть, охры красной. Тёмная оранжево-красная крыша трактора и на фоне её почти зелёный торс и голова Ивана могли бы держать передний план картины. Если бы её написал! Вдруг Рейнгольд подумал: «Какие мы с Иваном счастливые». Тот сидел рядом, привалившись к крыше кабины и спал, мирно всхрапывая. «Мы счастливы тем, — думал Рейнгольд, — что остался позади этот ужасный день, что мы живы, можем любоваться красотой мира, что вскоре, наверное, соединимся с нашим сапёрным батальоном и встанем на оборону».

...Оказавшись на другом берегу, трактор рванул с прежней скоростью — уже на Минск, а затем на Смоленск.

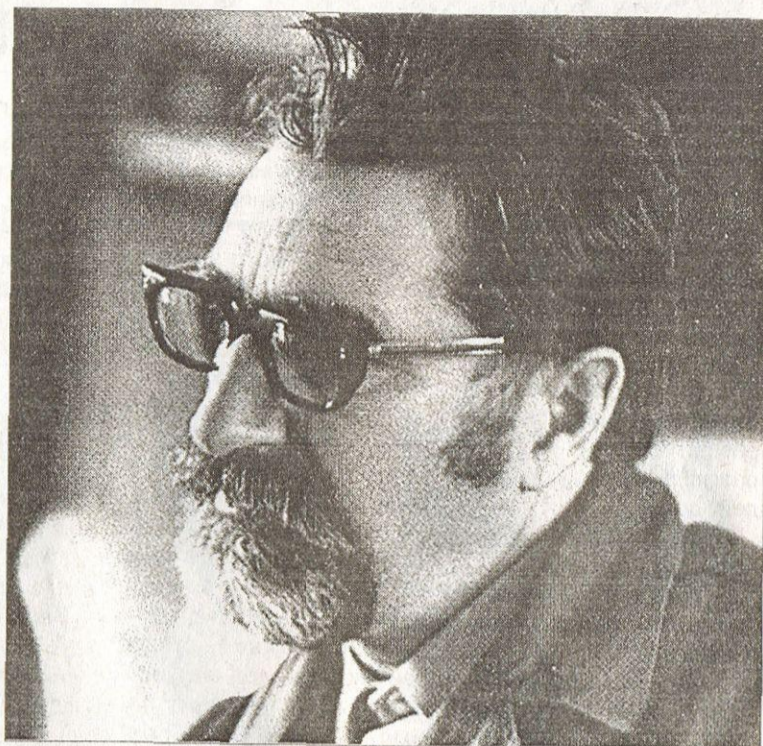
Было уже совсем темно, когда они остановились в небольшом городке Толочин, для ночлега. Это было здание школы. Света нигде не было — ни в комнатах, ни в коридорах, но везде было много народу. Чтобы не потеряться, они с Иваном держались за руки. В каком-то коридоре нашли местечко для отдыха. Вдруг поднялась паника. Все проснулись, стали куда-то бежать, толкая и давя друг друга. На улице уже светало, и можно было различить силуэты домов, машин и бегущих людей. Трактор нигде не было: видимо, в панике бывшие попутчики уехали, не дождав их, или его кто-нибудь угнал. До Смоленска пришлось добираться на попутной машине. Военный комендант города откомандировал их в войсковую часть, где бойцам выдали лопаты, кирки и отправили за город рыть противотанковые траншеи и окопы. Тысячи людей работали на строительстве оборонных сооружений. Без отдыха, перекуров, без разговоров. Предчувствие предстоящей встречи с врагом, схватки не на жизнь, а на смерть, погружало всех в молчаливое ожидание.

Ночью было совершено несколько вражеских налётов, сбросивших огромное количество зажигательных бомб.

Весь город, был объят пламенем. Рейнгольд с Фоминым устроились около бруствера. Во время бомбёжек Рейнгольд, как всегда, скручивался калачиком, а Иван падал на живот, широко раскинув руки и ноги. Когда во время следующего налёта снова посыпались зажигалки, сквозь гул и крики Рейнгольд услышал истошный крик Ивана: бомба упала ему на ноги. Один миг, и Берг схватил бомбу и зарыл ее в свежей земле, поднял друга и сквозь дым, изворачиваясь от летящих дождём зажигалок, подтащил его к кирпичному зданию, в полуподвале которого надёжно укрылся старшина. Они погрузили Ивана на стожик за углом машины и отправили в ближайший госпиталь.

Во время минутной передышки между налётами старшина приказал всей роте спасать сарай, в котором хранились мины. Воды нигде не было, тушили, как могли. Угроза взрыва, который мог произойти в любую минуту, заставляла не обращать внимания на обгорелые руки и одежду. Город горел, но налёты бомбардировщиков продолжались вновь и вновь. Совсем близко раздался страшный взрыв. Рейнгольд упал и потерял сознание.

Машина с ранеными остановилась около железнодорожной больницы на станции Рудня, где-то между Смоленском и Витебском. Рейнгольда положили на кровать около окна. Боль не ощущалась, но от большой потери крови, которая постоянно сочилась, он сильно ослабел и поминутно погружался в состояние тяжёлой дремоты. Приходя в себя, он разглядывал свои серо-зелёные руки на белой простыне, красивые серые тени в складках белого материала, русоволосую голову с красным лицом, и такой же шеей соседа и его раненые, почти зелёного

Рейнгольд Генрихович Берг, 1980 г.

оттенка руки с ослепительно белой повязкой. Почему-то вспомнились руки умершей девушки на картине Репина «Воскрешение дочери Иаира», изумительно написанные художником, на белом холсте руки Христа — такие лёгкие, невесомые, как сейчас у него.

Рейнгольд снова провалился в небытие. Сквозь сон он услышал разговор. Мужской голос явственно произнёс: «Этот, пожалуй, безнадежен, у него сильно задеты лёгкие, кровотечение остановить не удаётся, операцию делать некому — хирург погиб». Рейнгольд открыл глаза: в белом халате, один из них что-то записывал. И снова всё стало расплываться. В забытии перед ним пронеслись все кошмары минувшего дня: горящие лошади, Иван Фомин, убитый комиссар, их сменили образы родных... Вдруг огромной силы удар раздался буквально над ним. Показалось, что всё рухнуло: штукатурка, разбитые стёкла, куски рам, кучи грязи и пыли. Мгновенно вскочил и остановился как вкопанный: в комнате он был один посреди дыма и пыли. В огромном проёме выбитого окна тускло серела пыльная мгла. Минутная, а может быть, секундная тишина сменилась шумом, сотнями криков, плачем, — он сделал несколько шагов и открыл дверь: в коридоре сидели, прижавшись друг к другу, две санитарки, а на полу лежало несколько раненых солдат. Он снова потерял сознание. Утром его погрузили на самолёт, который приземлился в Тамбове. Через несколько дней рана начала заживать, и вскоре Берга определили в батальон выздоравливающих запасной дивизии, размещённой в лесу около станции Рада, недалеко от Тамбова.

В клубе, где Рейнгольд стал работать, уже было два художника из Минска. Политические плакаты, лозунги, портреты, боевые листки украшали весь лес и отправлялись с уходящими частями на передовую. В первый же день прибытия в батальон выздоравливающих Рейнгольд написал письмо жене в Зельман. Письмо получилось довольно длинное, так как хотелось написать обо всем, что случилось с ним за весь путь, сделанный от западной границы до Тамбова, а через месяц письмо вернулось с адресом, перечёркнутым жирным красным каранда-

шом и пометкой «Адресат выбыл». Рейнгольд несколько дней не находил себе места и не мог понять, куда и зачем уехала семья. Вскоре вернулось и письмо, отправленное сёстрам и матери с такой же пометкой. Всё разъяснилось после того, как один боец, родом оказавшийся из Энгельса, принёс местную газету «Большевик», присланную ему родителями. В ней был опубликован Указ Президиума Верховного Совета о выселении немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан. С этого дня у Рейнгольда оборвалась связь с родными.

В конце октября Рейнгольд был переведён из батальона выздоравливающих в строительный, отправлявшийся в Свердловск на строительство новой железнодорожной линии. С этого времени его судьба оказалась связанной с Сибирью, с рядом испытаний, требовавших огромного физического и душевного напряжения и надолго оторвавших его от творческой работы. Только в 1950-х годах Рейнгольд Берг вернулся к своей специальности и стал профессиональным художником-графиком. С тех пор уже не расставался с карандашом:

«Меня могут спросить, почему же я в своём творчестве никогда не возвращался к картинам войны, так глубоко врезавшимся в мою память? Я отвечаю: чем дальше от военных лет, тем острее я ощущаю счастье от сознания, что вокруг меня цветёт иная жизнь. Я не могу и не хочу создавать картины о войне. Мне хочется делиться с людьми радостью, которую я испытываю, рисуя новые города и восстановленные памятники архитектуры, гигантские атомные гидростанции и нежные розы, лица детей и фигуры рабочих у мартена.

Этому я посвящаю свою жизнь, своё творчество, в этом нахожу своё счастье».

В семье художника родились пятеро детей. Старший, Бруно, умер, когда ему было 9 лет, от воспаления лёгких. Дочь Мария живёт в Германии. На следующий год ей будет 70. Сын Юрий, с которым я поддерживаю связь, живёт в Мурманске. Ему 66 лет. Рейнгольд-младший (ему 64 года) живёт в Кемерово. Младший Виталий — в Москве, ему 58.

Наталья ЗИНЧЕНКО,
ветеран педагогического
труда, отличник народного
просвещения